

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ А.Д. КАНТЕМИРА И «ПИСЬМА О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ»

Н.О. Архангельская

ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Московская область

В статье ставится вопрос о принадлежности А.Д. Кантемиру «Писем о природе и человеке». Кантемир пропагандировал достижения науки и разделял целый ряд передовых идей, которые получили развитие в Просвещении. Автор «Писем» занимал противоположную позицию, призвал «удивляться» премудрости творца, но не изучать природу. В результате сравнения содержания «Писем» с бесспорными работами Кантемира выявлены существенные различия в позициях авторов, что не позволяет считать «Письма» произведением Кантемира. Автор ставит задачу рассмотреть эволюцию взглядов Кантемира и сопоставить их с позицией автора «Писем».

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, «Письма о природе и человеке», русская философия XVIII в., Б. Фонтенель, Просвещение.

История русской мысли первой половины XVIII в., периода глубоких изменений всех сторон жизни российского общества, продолжает оставаться одним из актуальных аспектов отечественной истории. Выдающимся деятелем этого периода был Антиох Дмитриевич Кантемир (1709–1744) – дипломат, поэт, переводчик. Помимо этого большое место в его жизни занимала наука, ее популяризация, а также философия¹. Следует отметить, что он – один из немногих русских студентов Академического университета, изучавших философию [16, с. 24–25]. Знание античной философии отразили примечания к переводу Горация. Роль Кантемира в создании русскоязычной научной терминологии отмечается и сегодня [15, с. 97].

Его философские взгляды оцениваются преимущественно по «Письмам о природе и человеке». Об этой работе оставил отзыв Г.В. Плеханов: «Его письма о природе и человеке представляют собою попытку отстоять религиозные верования... Дело только в том, что и здесь... он обращается не к духовным, а к светским писателям» [19, с. 83–84]. Аналогична и оценка, данная в «Истории философии в СССР»: «Кантемир, автор «Писем...», не смог развить материалистические тенденции того времени, когда он писал примечания к Фонтенелю и первые сатириче-

¹ А.Д. Кантемир был младшим сыном молдавского господаря Дм. Кантемира, поддержавшего Петра I во время Прутского похода и вынужденного вследствие этого уехать в Россию со своей семьей. Образование Антиох получил дома и в университете при Петербургской академии наук, связь с которой поддерживал всю жизнь. Был послом России в Англии (1732–1738) и во Франции (1738–1744).

ские произведения...» [24, с. 297]. Эти утверждения оспаривал Г.Е. Бобыне [2, с. 63–70]. Тем не менее представляется справедливой именно плехановская оценка произведения. Вопрос был бы совершенно ясен, если бы не противоречия между бесспорными произведениями Кантемира и «Письмами», о которых неоднократно упоминалось в литературе. Исследователи творчества Кантемира обращали внимание на различие позиций, высказанных в примечаниях к «Разговорам о множестве миров», сочинение Фонтенеля, переведенное и снабженное примечаниями Кантемиром, и «Письмами о природе и человеке». Объяснение давалось следующее: на протяжении 12 лет взгляды Кантемира изменились. На первый взгляд объяснение весьма убедительное. Но все же стоит поставить вопрос: а так ли это?

«Письма» были опубликованы во втором томе сочинений А.Д. Кантемира, вышедшем в 1868 г. Публикаторы указывали, что в их распоряжении был только один список этого сочинения, неисправный. Список озаглавлен «Копии с одиннадцати писем от князя Кантемира, бывшего во Франции, писанных к одной тамошней госпоже, об которой он нейменовал во оставших/ся/ с тех своих к ней писем отпусках». Увидев в заголовке, что автором является А. Кантемир, издатели не стали сомневаться в этом. Издатели датировали письма 1742 г., так как в этом году Кантемир был на водах, а в письмах упоминается источник [22, с. ХСІХ и Библиографические примечания, т. 2, с. 451]. Однако В.В. Веселитский подчеркивал, что в посмертной описи библиотеки Кантемира среди других рукописных произведений писателя «Письма» не значатся. Он отмечал, что, «судя по бумаге и почерку, данная рукопись относится ко второй половине – концу XVIII в.» [8, с. 64]². Цель статьи – поставить вопрос: мог ли Кантемир быть автором «Писем»? Задачи: рассмотреть эволюцию взглядов Кантемира и сопоставить их с позицией автора «Писем».

Об эволюции взглядов Кантемира можно судить, сопоставив ранние и поздние его произведения. Особенно отчетливо она видна при сравнении первой и окончательной редакций сатир. З.И. Гершкович дал следующую датировку сатир. Так называемая первоначальная редакция – 1731 г., когда перед отъездом за границу Кантемир хотел опубликовать первые 5 сатир. Окончательная редакция (8 сатир) – начало 1743 г. [9, с. 438]. Сравнивая редакции сатир, можно увидеть изменения во взглядах Кантемира, произошедшие за 12 лет. Это тем более важно, что 1743 г. – как раз то время, когда предположительно были написаны «Письма». Имеющиеся в сатирах различия говорят о значительном изменении позиции Кантемира по многим вопросам.

² Следует отметить, что не все произведения, публикуемые в двухтомнике, бесспорно принадлежат Кантемиру. Отвергают авторство Кантемира в отношении IX сатиры С.В. Калачева и Л.Р. Муравьева. См.: XVIII век. Сб. 3. 1958 г. А также: XVIII век. Сб. 5. М.;Л., 1962. Среди опубликованных в этом издании произведений есть и поэтические переложения псалмов 36 и 72. Однако Т.Е. Автухович доказывает, опираясь на особенности рифмы, размера и т. д., что автор стихов – Феофан Прокопович. См.: XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 154–160. Поэтому факт публикации произведения в двухтомнике еще не является убедительным доказательством авторства Кантемира.

В первой сатире «На хулящих учение» смысл переносится с познания Бога на познание мира. В первоначальной редакции в примечании автора к ст. 36 говорилось: «Всяк православный признает бога, но очень мало знают его» [14, с. 503]. В окончательной редакции эти слова убраны, а речь идет о познании мира, способ познания – наука. «Физика или естествословие испытает состав мира и причину или отменение всех вещей в мире» [14, с. 63]. Таким образом, теперь для Кантемира не богословие, а естествознание является ключом к пониманию природы, и для понимания причин природных явлений оно достаточно, ссылка на Бога не предполагается.

В III сатире («О различии страстей человеческих») усилена критика духовенства, одновременно убрано осуждение безбожников, имевшееся в первоначальной редакции (ст. 333–336; см: [14, с. 386]). Убрана и критика учения Эпикура не только за признание существования пустоты, но и за утверждение, что соединение атомов породило все видимые вещи (см. примечание к ст. 256 первоначальной редакции, [14, с. 513]). И если признание или отрицание существования пустоты – вопрос физический, то признание или осуждение атомизма, по существу, характеризует отношение к материализму и диалектике. И коль скоро Кантемир убирает критический отзыв, то данный факт можно рассматривать как свидетельство, что материализм не вызывал у него в начале 1740-х гг. неприятия, и он не считал нужным с ним полемизировать.

Аналогичные изменения видны и в сатире V. Убраны рассказ о грехопадении, осуждение безбожников, осуждение материализма. «В новой редакции пятая сатира стала убежденно антиклерикальной» [21, с. 56]. С таким выводом следует согласиться. Кроме того, в первоначальном варианте содержалось распространенное в то время телеологическое доказательство бытия Бога:

Люди ж те, что столь дивный чин во твари зрящи,
Сколько тела пречудны в воздухе висящи,
Так порядочный тех ход и пользу приятну,
И телес наших состав, и жизни причину –
Природы дело (увы, с страху перо кину!).
Природы дело то быть, безумно болтают... [14, с. 404–405].

Оно убрано из окончательного варианта. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, так как «Письма» содержат именно телеологическое доказательство бытия Бога. Получается странная ситуация: упоминание о нем изымается из сатиры, и одновременно пишется целая книга для его обоснования. Кантемир одновременно отказывается от этой идеи и пропагандирует ее, что представляется маловероятным.

В примечании к сатире V («На человеческие злонаравия вообще») З.И. Гершкович подчеркивает, что в первоначальной редакции источником пороков назывался первородный грех, но в окончательном тексте эти строки убраны [9, с. 453–454]. Это свидетельствует об изменении взгляда Кантемира на проблемы нравственности – от традиционного религиозного к светскому.

Общий смысл изменений, внесенных в окончательную редакцию сатир, сводится к отказу от осуждения материализма и атеизма, что говорит о глубоких изменениях, произошедших в мировоззрении Кантемира за годы пребывания в Европе. В поздних работах не только сохраняются «материалистические тенденции», о которых писали авторы «Истории философии в СССР», а именно в них они выражены наиболее ярко. Препятствием для дальнейшего развития людей Кантемир считал невежество, а способом преодолеть его – познание, которое понимал теперь только как познание природы с помощью естествознания. Также усилена критика духовенства. Из сопоставления двух редакций сатир следует сделать вывод, что во Франции Кантемир не только не обратился к религиозным идеям, но, напротив, изъясил из окончательной редакции сатир ссылки на религиозные положения. Вопросы познания и нравственности он решал теперь, обращаясь к разуму, сочувственно писал о материализме, а пропагандистом науки и знания он был еще до отъезда в Европу. Таким образом, эволюция взглядов Кантемира свидетельствует, что к началу 1740-х гг. он отверг многие идеалистические положения и сочувственно относился к материализму.

Представляют интерес произведения, переведенные Кантемиром. Особенностью его переводческой деятельности был тщательный выбор книг для перевода. Внимание обращалось на те, которые могут принести пользу соотечественникам. Об этом свидетельствует письмо по поводу перевода античного историка Юстина. Переведя часть его истории, Кантемир направил письмо президенту Петербургской академии наук И.А. Корфу, где спрашивал, насколько полезен будет этот перевод для юношества [11, с. 23].

Первый биограф Кантемира аббат О. Гуаско³ (его друг) называет 9 переводов: «Разговоры» Фонтенеля, «История» Юстина, «Письма» Горация, оды Анакреона, Корнелий Непот, «Таблица Кевика», «Нравоучение» Эпиктета, «Персидские письма» Монтескье и «Итальянские разговоры о свете» Ф. Альгаротти. Кроме того, Б.А. Градова указывает еще перевод «Хроники» Константина Манами, «Описания Парижа и французов», сатир Буало, а также рукопись русско-французского словаря [12, с. 47–52].

В этом списке 3 группы сочинений: памятники античной литературы, исторические сочинения и современные произведения, пропагандирующие научные знания, сегодня мы назвали бы их научно-популярными. Обращает на себя внимание отсутствие сочинений религиозных и перевод первого крупного произведения французского Просвещения. Сам подбор произведений говорит о характере взглядов Кантемира и о том, какие произведения он считал необходимыми для его современников.

³ «Октавиан де Гуаско (1712–1781) был членом Лондонского королевского общества, Берлинской академии наук, Академии надписей в Париже, друг Монтескье. Автор работ по истории. Перевел 8 сатир Кантемира на итальянский и французский языки. Автор жизнеописания Кантемира» [20, с. 93].

Кроме того, опубликованные переводы (как и сатиры) снабжены многочисленными примечаниями, в которых даются необходимые для читателей пояснения, Кантемир излагает в них и свои взгляды. В переводе писем Горация примечания превосходят по объему собственно перевод. Учитывая это, следует обратить внимание не только на разработку философской и научной терминологии, но и на мировоззренческое содержание примечаний.

Интерес представляют также даты выполнения и выхода из печати переводов. Перевод книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» был закончен в 1730 г., но издан только через 10 лет. Осложнения возникли в связи с мировоззренческой сущностью важнейших положений книги Фонтенеля, перевод которой так хотел увидеть напечатанным Кантемир. В ней не просто излагаются взгляды Коперника, но пропагандируется идея Дж. Бруно о том, что звезды – это солнца других миров. Кроме того, вслед за Декартом Фонтенель говорил об изменениях в природе (звезды, поверхность земли). То есть Фонтенель, а с ним вместе и Кантемир стремились в популярной форме донести до своих современников передовые идеи своего времени. Фонтенель не писал о том, что изменения в природе производит бог, напротив, вся его книга, по существу, является гимном могуществу природы. Поэтому понятны те цензурные препоны, которые пришлось преодолеть при издании перевода. Неслучайно и то, что переиздание его впоследствии было запрещено.

Если Кантемир настаивал на опубликовании книги и в 1738 г. высылал исправления, а первый отпечатанный лист получил в конце 1739 г. [26, с. 182–183], то мы вправе сделать вывод, что взгляды, высказанные как в переводе, так и в его собственных примечаниях, его вполне устраивали. Получаем дату окончания работы и выхода книги – 1738–1740 гг.

Следующее опубликованное произведение – перевод писем Горация и примечания к переводу. Письма Горация посвящены вопросам морали. В примечаниях Кантемир разъясняет и развивает отдельные идеи Горация. «Что честно и истинно, две вещи, кои должны быть крайнее каждого человека попечение и обучение» [10, с. 4]. Ответ на этот вопрос дает философия. Гораций полагает, что главное – иметь чистую совесть и не стыдиться своих поступков, советует «отдаляться страстей и прилежать любомудрию» [10, с. 15, 27]. И это уже свидетельствует о светском, а не религиозном подходе к решению проблем нравственности.

По поводу перевода Кантемир писал Х.Ф. Гроссу (наставнику Кантемира по философии и литературе в период обучения при Академии наук) в 1740 г.: «Если гг. академики найдут уместным напечатать перевод посланий Горация, то это их воля. Я в данное время кончаю примечания к этим посланиям, так что смог дать Вам только примечания к первым десяти. Однако я нисколько не сомневаюсь, что и остальные придут во время, имея в виду медленность, с которой печатаются подобные работы» (цит по: [20, с. 79]). Рукопись была послана генерал-прокурору

Трубецкому. В феврале 1743 г. он передал ее в Академию наук для печати. Издан перевод был в 1744 г. Получаем вторую дату – 1743–1744 г.

Между этими публикациями и были написаны по предлагаемой датировке «Письма о природе и человеке». Проблема заключается в том, что взгляды, высказанные в сатирах и примечаниях к сочинениям Фонтенеля и Горация, с одной стороны, и в «Письмах», с другой, различны, подчас противоположны. Как видно из вышеизложенного, ссылка на разницу в годах и эволюцию мировоззрения здесь не срабатывает. Интервалы между произведениями около двух лет, едва ли такие значительные изменения взглядов могли произойти в короткие сроки, и непонятно, что могло заставить Кантемира дважды пересмотреть их.

В.Я. Стоюнин писал о «Письмах»: «Они составляют все вместе трактат о нравственной философии и космологии и, видимо, есть плод прилежного чтения многих книг как богословского и философского содержания, так и по естественным наукам» [22, с. XCIX]. Беда только в том, что результаты чтения научной литературы в «Письмах» совершенно не видны. Основные идеи этого сочинения не соответствуют уровню развития европейской науки XVII – начала XVIII в. Весь пафос «Писем» – показать премудрость Бога и слабость и несовершенство человека, о чем говорится на многих страницах. Говорится о слабости человека [18, с. 60, 67, 69, 76].

Кантемир утверждал могущество и силу человека, верил в его разум, причем эти идеи высказываются уже в ранних его произведениях. В частности, мы встречаем характерное для Возрождения и Просвещения и восходящее еще к античной культуре восхваление человека. В IV песне «В похвалу наук», написанной еще в России, сильны гуманистические идеи. Следовательно, и в молодости Кантемир высоко оценивал возможности и знания человека. Конец песни звучит как гимн могуществу человека:

Зевсовы наших не чуднее руки,
Пылаем с громом молния жестока,
Трясем, рвем землю, и бурю и звуки
Страшны наводим в мгновение ока.
Ветры, пространных морь воды ужасны
Правим и топчем дерзки безопасны.
Бездны ужасны вод переплыв, доходим
Мир, отделенный от век бесконечных.
В воздух, в светила, в край неба всходим.
И путь и силу числим скоротечных
Телес, луч солнца делим в цветны части,
Чувствует тварь всю силу нашей власти [14, с. 202].

В целом «Письма» – рассуждения человека, задумавшегося об устройстве мира, но с наукой того времени почти незнакомого, скорее услышавшего об отдельных ее идеях (может быть, Земля вокруг Солнца вращается, может быть, животные – это механизмы). В итоге получается сплошное удивление. Удивляться надо всему: смене дня и ночи, состоянию воздуха, жизни животных. Иногда усердие автора «Писем» может

вызвать только улыбку (по-видимому, и в XVIII в. тоже), когда автор уверяет, что живые существа сами собой не могут соединиться в пары [18, с. 59].

Рассуждения соответствуют обыденному сознанию, есть отдельные упоминания деятелей прошлого, например Цицерона или Вергилия, но не видно знания. А Кантемир, не следует этого забывать, учился при Академии наук, где работали весьма образованные люди, некоторые из них – выдающиеся ученые своего времени. Кроме того, он постоянно пополнял свои знания. Примечания, написанные Кантемиром, свидетельствуют о глубоком знании Античности, современных научных открытий.

Различия между произведениями Кантемира и «Письмами» были подмечены давно. Особое внимание на них обратил Л.А. Петров, отметив следующие моменты: 1. Кантемир в молодости критиковал «потаенные силы» Аристотеля, но в «Письмах» немало говорится о них. 2. В «Письмах» содержится средневековое представление, что мир и животные сотворены для человека. 3. В «Письмах» отвергается атомизм. 4. Кантемир говорил о познании мира («В похвалу наук»), в «Письмах» возможность познания ограничена. Человек не знает самого себя [17, с. 65–67, 70]. Петров пришел к утверждению: «В этих сентенциях о недостатках ума человека, в многословных рассуждениях о его слабости трудно узнать автора примечаний к Фонтенелю и сатиры «К уму своему (На хулящих учение)» [17, с. 63–64]. Так может быть, и не надо узнавать? Петров здесь вплотную подошел к вопросу, был ли Кантемир автором «Писем», но так и не поставил его.

Помимо этих расхождений (а подчас и прямых противоречий) во взглядах Кантемира 1740-х гг. и автора «Писем» можно отметить следующие.

1. Различна мировоззренческая направленность подлинных произведений Кантемира и «Писем». Кантемир пропагандировал научное знание и как минимум доброжелательно относился к материализму. Автор «Писем» ставил перед собой задачу доказать существование Бога и тем самым материализм опровергнуть. Подобных идей нет в поздних произведениях Кантемира. Он с сочувствием пишет о концепции, согласно которой Бог сотворил первовещество и дал ему движение [25, с. 7]. Объяснение дальнейших изменений дается Фонтенелем в духе картезианской теории вихрей.

Об отказе Кантемира от телеологического взгляда на мир говорилось выше, «Письма» же написаны исключительно с этой целью.

2. Автор писем не представлял себе изменений в мире без вмешательства Бога, в то время как Фонтенель, а вслед за ним и Кантемир, как переводчик произведения, подчеркивали могущество и силу природы. Она – причина всех событий и изменений: «...натура... влечет нас всех вместе общим движением и играет нами как мячиком...» [25, с. 39]. Фонтенель описывал устройство Солнечной системы, допускал изменчивость природы, рассуждал о возможных жителях других планет, а также планет других солнц, их возможных различиях, рассматривал возмож-

ность того, что Солнце погаснет. И вся эта грандиозная картина Вселенной дается без малейшего упоминания Бога, в то время как автор «Писем» только о нем и говорит. Во втором письме: «Вся натура доказывает творца своего бесконечную премудрость» [18, с. 27]. Но почему же этой идеи нет в примечаниях к переводу? Нельзя одновременно быть сторонником идеи божественного управления природой и материалистического ее истолкования. Причем эти разночтения относятся к одному времени: 1740 и 1742 гг. И если авторство перевода не вызывает сомнения (оно указано в заголовке), то тем более сомнительно одновременное создание «Писем».

3. В «Письмах» видны элементы старого представления о мире: все сотворено ради человека, для его удобства. Так день и ночь существуют для общения и отдыха [18, с. 37]. Над подобными представлениями смеется Фонтенель в первой беседе (вечер первый).

4. «Письма» (особенно третье и четвертое) представляют собой восхваление прекрасного устройства природы. При этом не делается ни малейшей попытки рассмотреть ее с научной точки зрения. Все это не похоже на Кантемира, который не только стремился приобретать все новые и новые знания, но и занимался пропагандой науки всю свою взрослую жизнь. Примечания к его произведениям дают краткие справки о научных достижениях, указывая ученых, совершивших открытия. В письмах же не упомянуто ни одно исследование и восхваления чудес природы написаны с позиций человека, едва знакомого с наукой, остающегося на уровне обыденных представлений. Все восторги по поводу совершенства природы автору писем нужны лишь для того, чтобы восславить ее творца. Конечно, большинство философов и ученых XVII – начала XVIII в. не могли обойтись без идеи перводвигателя, иного не допускал механистический взгляд на природу. Но здесь тоже есть особенности. Одно дело, говоря о перводвигателе, ставить во главу угла исследование процессов, происходящих в природе, приращение научного знания. Совсем другое, не ставя даже задачи ознакомиться с научными достижениями, довольствуясь обыденными представлениями, ограничиться только восхищением. Таким образом, сам подход к природе у Кантемира и автора «Писем» различается принципиально. Публикаторы «Писем» не приняли во внимание, что нельзя одновременно пропагандировать научные знания в одних сочинениях и совершенно забывать о них при создании другого.

5. Различны взгляды писателей на устройство Солнечной системы. Автор «Писем» не может решить, что же вокруг чего вращается: Солнце вокруг Земли или наоборот [18, с. 37–38]. Не мог такое писать человек, который в двадцать лет перевел книгу Фонтенеля, пропагандирующую идеи Коперника, и 10 лет добивался опубликования перевода. Кроме того, автор «Писем» говорит, что земля висит на водах [18, с. 31], Солнце ходит вокруг Земли [18, с. 37–38], звезды и планеты на твердых

сводах вращаются вокруг Земли. Ставится вопрос о том: «кто своды те порядочно кругом нас обращает» [18, с. 39]. Фонтенель категорически отрицает эти средневековые взгляды, уже в первой беседе (вечер первый) отвергается птолемеевская картина мира.

6. Различно отношение к знанию. Автор «Писем» говорит о вращении земного круга: «Сколько бы в физике доказательств и ни искали, но все то к вящему доказательству всеильного божества служить будет» [18, с. 38]. Кантемир же считал, что именно физика дает ключ к знанию о мире, о чем, кроме упомянутого выше примечания к сатире, свидетельствуют его переводы Фонтенеля и неопубликованный перевод книги Ф. Альгаротти «Ньютонианство для дам», выполненный в тот год, когда книга была запрещена папой – 1739 г. [21, с. 58, 61].

7. Автор писем дивится окружающему миру («надобно дивиться премудрому смотрению...») [18, с. 35]) и призывает к этому читателя, «дивиться», но не изучать, но это характерно для тех, кто не склонен к научному познанию. Не дивиться, а изучать мир – позиция Фонтенеля и Кантемира. В переводе Фонтенеля говорится: «Множество людей есть, которых голова набита лживыми некими чудесами... Таковые для того только дивятся миру, что думают будто бы он был некое волшебство» [25, с. 15].

8. Автор «Писем» пишет: «Но нам почто искать удивительного сего действия причину» [18, с. 35]. Кантемир смолоду высмеивал такие суждения и в его произведениях подобные слова вложены только в уста глубоких невежд. Например, в I сатире один из хулителей науки говорит:

С ума сошел тот, кто души силу и пределы
Испытает, кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину – глупо он лепит горох в стену (ст. 51–54; [14, с. 58]).
В ранней редакции было:
К чему звезд течение и свойство счисляти
Для одного в планете пятна ночь не спати
Для любопытства только решиться покою
Ища солнце ль движется или мы с землею (ст. 97–100; [14, с. 364]).

Высмеивать на протяжении более чем 10 лет нежелание познавать мир и одновременно самому отвергать познание – это не просто странно, а несовместимо.

9. Автор «Писем» говорит о познании природы и самого себя с целью познать мудрость творца [18, с. 25]. Кантемиру в 1740-е гг. чужда такая трактовка познания.

10. Автор «Писем» колеблется, признать ли человека существом совершенным или ничтожным [18, с. 64, 65, 67, 69], о человеке говорится: «...существо слабое, заимствующее и подвластное» [18, с. 77].

11. При несомненном внимании к идеям стоицизма понимание их автором «Писем» и Кантемиром различны. Автор «Писем» говорит о необходимости довольствоваться данным, не роптать и смиряться [18,

с. 22, 23]. Кантемир – о добродетели и гражданском служении: «Стойкие философы не только позволяли, но и советовали упражняться в гражданском правлении и, запрещая сластолюбие, в добродетели поставляли крайнее блаженство» [10, с. 6]. Этот аспект взглядов Кантемира изучен Т.С. Давыдовой, которая пришла к выводу, что для него «добродетель сама по себе – это только путь посвящения своей жизни благу отечества» [13, с. 86].

12. Можно отметить и следующее. Автор «Писем» превозносит спокойную уединенную жизнь на лоне природы [18, с. 40, 91, 94–95]. В первом говорится что Богу «было угодно, что я в себе искал счастье, а не в людях; не допустил меня в обществе жити» [18, с. 24]. Об уединенной жизни говорится и во втором письме [18, с. 29]. Нельзя исключить, что и Кантемиру в определенные моменты хотелось более спокойной жизни, но в целом он стремился не бежать от людей, а, напротив, принести пользу соотечественникам своим творчеством. Когда прошел слух о возможности назначения Кантемира руководителем Академии наук, он говорил об этом с Гуаско, который позднее писал: «...перспектива стать шефом Академии наук его очень привлекала». «Я могу сказать к чести и его и науки, что этот пост всегда был предметом его стремлений» (цит. по: [20, с. 56]). Стоит ли подчеркивать различие этих позиций?

13. Автор «Писем» считал, что Бог «не допускает людей в заблуждение и злости, грехи и пакости добродетелью называть» [18, с. 70]. Добрую волю дает человеку Бог [18, с. 78]. Кантемир рассматривал проблемы нравственности в примечаниях к переводу писем Горация. Но он вел речь о добродетели и философии, которые тесно связаны между собой. «Не только коплю нужные к исправлению нравов знания, кои суть истинное сокровище, но и... в порядок изрядный располагаю, чтобы тотчас без утраты времени я мог оные употребить в свою и в многих пользу» [10, с. 4]. Весь смысл примечаний сводится к тому, что добродетель связана со знанием; о том, что она имеет божественное происхождение, не упоминается вовсе. Такой подход присущ Просвещению, которое все лучшее в человеке связывало со знанием, но он противоречит телеологическому доказательству бытия Бога. Единственное упоминание Бога в примечаниях: «Древние философы, как мы, уверены были, что истинная мудрость от бога с небес приходит» [10, с. 36]. Конкретные вопросы нравственности и воспитания Кантемир решал без обращения к идее Бога.

14. Различно отношение к атомизму. Автор «Писем» стремился опровергнуть учение античных атомистов, полагая, что самостоятельное соединение атомов в совершенные тела столь же невероятно, как самостоятельное соединение букв в «Илиаду» [18, с. 86]. Кантемир же, как мы видели выше, убирает критические замечания в адрес Эпикура. Примечание к переводу Горация содержит вполне доброжелательный отзыв об Эпикуре: «...секта Аристипова и Эпикурская то всего лучшее в себе имела, что можно было по их науке все употреблять, но ничему над собою власть не дая» [10, с. 6].

15. Любопытен пример противоречия, приводимый Кантемиром в примечании к книге Фонтенеля. «Например, луна населена жителями,

есть предложение, против которого противоплагается, что есть ли бы люди были на луне, то Святое писание было бы неистинно, которое род человеческий весь из Адама производит» [25, с. 11]. Тем не менее, несмотря на оговорку, что жители Луны не обязательно люди, Фонтенель часто называл их людьми, что отражено в переводе. Это обстоятельство ничуть не смущало Кантемира, который своим примечанием делает расхождение между Библией и Фонтенелем еще более заметным.

16. Есть еще ряд расхождений. В «Письмах» материя названа «гнусной», подобного отношения нет у Кантемира, он понимает ее как синоним вещества [25, с. 10], что вполне согласуется с философскими идеями XVII – начала XVIII в., до философского определения материи Гольбаха было еще далеко. «Письма» говорят о вечных границах моря, а в книге Фонтенеля отмечается, что там, где было море, поднялись горы.

17. Следует подчеркнуть и следующее обстоятельство. Г.Е. Бобынэ характеризует «Письма» как пересказ сочинения Фенелона «Доказательство бытия бога, извлеченное из познания природы и сообразованное для понимания простых умов» (главы II–IX). В XI письме используются «Максимы» Оксеншерны [2, с. 63]. Конечно, Бобынэ справедливо подчеркивает, что XVIII в. были иные представления об авторских правах. Но дело в том, что лично Кантемир в примечаниях к сатирам отмечал заимствование у других авторов даже самых незначительных фрагментов или идей. Поэтому трудно представить, что, пересказав целую книгу, он нигде не указал источник.

Кроме того, на различия, преимущественно языковые, обращает внимание В.В. Веселитский. Он отмечает изменение языка по сравнению с другими произведениями Кантемира: усложнение слога и языка; фразы, тяготеющие к словоупотреблению середины XVIII в.; множество заимствованных слов, не встречающихся в других произведениях. Но именно в это время в примечаниях к переводу Горация Кантемир стремился максимально упростить язык [8, с. 66–68]. Веселитский делает следующий вывод: «Письма» не предназначались для публикации. Но это ли истинная причина различий в языке?

Здесь следует заметить, что можно попытаться объяснить каждый момент в отдельности: у человека изменились взгляды, рукопись не отредактирована и т. д. Когда же все они собираются вместе, невольно возникает ряд вопросов. Меняются взгляды – одни в 1740 г., иные, а по некоторым вопросам и прямо противоположные, в 1742-м., а затем в 1744-м г. Кантемир возвращается к взглядам 1740 г. Картина получается неправдоподобная. А если добавить и изменение языка, то выходит, что для «Писем» употребляется язык, не характерный для автора ранее, от которого он избавляется уже в следующей работе.

В итоге напрашивается вопрос: «А был ли А.Д. Кантемир автором “Писем”»?

Ведь его авторство не доказано. Единственный аргумент – публикация этого сочинения в двухтомнике. Но были ли у издателей основания считать произведение кантемировским помимо упоминания его имени в заглавии? Как и когда это произведение вообще попало в поле зрения издателей? И можно ли безусловно верить любому источнику? Следовательно, авторство писем сомнительно, следует либо доказать, что они написаны были Кантемиром, либо перестать считать его автором этого сочинения.

В последнем случае эволюция взглядов Кантемира представляется следующим образом. Горячий поклонник и пропагандист науки еще в России, попав в Европу, он сблизился с прогрессивными деятелями, учеными и философами, и разделял целый ряд передовых идей, которые получили развитие в Просвещении. В Англии он поддерживал тесные связи с Королевским обществом [23, с. 26]. Кантемир был знаком с Фонтенелем, Монтескье и Мопертюи, переписывался с Вольтером, дружил с аббатом Гуаско. В его взглядах усилились материалистические элементы, осуждение духовенства, идеи гражданского служения, еще выше оценивается знание, в том числе и как источник нравственности. С просветителями его сблизил и интерес к проблемам воспитания, которому посвящена сатира VII⁴. Иными словами, он разделял передовые взгляды своей эпохи и пропагандировал их. Об отношении Монтескье к Кантемиру свидетельствует тот факт, что он помогал издать сатиры Кантемира [1, с. 143–144]. А также следующий отрывок из его письма аббату Гуаско: «Аббат Венути сообщил мне о той горести, которую причинила вам смерть вашего друга, князя Кантемира... Вы везде найдете друзей, которые смогут вам заменить того, которого вы лишились; но России не так легко будет заменить столь достойного посла, каким был князь Кантемир» (цит. по: [1, с. 133]). В лице А.Д. Кантемира русская культура обрела человека, который, посвятив свою жизнь пользе сограждан, смог встать по своим взглядам вровень с передовыми европейскими мыслителями.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Монтескье и Кантемир // Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. С.119–146.
2. Бобыне Г.Е. Философские воззрения Антиоха Кантемира. Кишинев: Штиинца, 1981. 136 с.

⁴ Этот вопрос рассмотрен в статье: Николаев Н.Н, Шестакова Е.Ю. С кем спорит А.Д. Кантемир (сатира А.Д. Кантемира «О воспитании») // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2014. №3. С. 366-369.

3. Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «Философские науки». 2017. № 1. С. 75–82.
4. Бондарева Я.В., Фурсова В.Э. Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «Философские науки». 2015. № 2. С. 63–69.
5. Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «Философские науки». 2011. № 3. С. 16–21.
6. Буренков С.В. Антропология и аксиология труда: Эллада // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: «Философия». 2017. № 1. С. 39–45.
7. Буренков С.В. К вопросу о видах человеческой деятельности // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: «Философские науки». 2014. № 3. С. 11–27.
8. Веселитский В.В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974. 70 с.
9. Гершкович З.И. Примечания // Кантемир А.Д. Собр. стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956.
10. Гораций. Квинта Горация Флакка. Десять писем первой книги... Перевод с латинских стихов на русские и примечания охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. СПб.: Печ. при Имп. Акад. Наук, 1744. 81 с.
11. Градова Б.А. Рукописи А.Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л.: ГПБ, 1983. С.17–33.
12. Градова Б.А. Первые переводы Антиоха Кантемира // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л.: ГПБ, 1985. С.46–57.
13. Давыдова Т.С. Представление о «служении» в поздних сатирах Кантемира // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 84–87.
14. Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 546 с.
15. Никулушкин К.В. Становление научно-понятийного аппарата в эпоху русского Просвещения (по тексту Фонтенеля «О множестве миров» в переводе Кантемира) // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2015. № 8. С. 95–100.
16. Павлов А.Т. Философское образование в Российской империи. М.: Изд-во Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2017. 379 с.
17. Петров Л.А. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 88 с.
18. Письма о природе и человеке // Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира: в 2 т. СПб.: И.И. Глазунов, 1868. Т. 2. С.21-96.
19. Плеханов Г.В. А.Д. Кантемир // История русской общественной мысли. Соч. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. XXI. С.78–102.
20. Радовский М.И. Антиох Кантемир и Петербургская академия наук. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1959. 114 с.

21. Серман И.З. Антиох Кантемир и Франческо Альгоротти // XVIII век. Сб. 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). СПб.: Наука, 1999. С. 53–61.
22. Стоюнин В.Я. Князь Антиох Кантемир // Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы: в 2 т. СПб.: И.И. Глазунов, 1867. Т.1. С. IX–CXIII.
23. Турилова С.Л., Орлов А.А. Князь Антиох Дмитриевич Кантемир – русский дипломат, поэт и философ: к 310-летию со дня рождения // Локус. 2017. № 4. С. 18–28.
24. Философские и социологические взгляды идеологов петровских преобразований и их противников // История философии в СССР: в 5 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 278–306.
25. Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла... С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб.: При Императорской Академии наук, 1740. 250 с.
26. Ям К.Е. Произведения Фонтенеля в России в XVIII – начале XIX в. // Французский ежегодник. М.: Наука, 1976. С. 180–196.
27. Berkut V.P., Bondareva Y.V., Kostyukova T.A., Maikova V.P., Molchan E.M., Pesotsky V.A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8, № 5. P. 263–281.

EVOLUTION OF A.D.CANTEMIR'S VIEWS AND «LETTERS ABOUT NATURE AND MAN»

N.O. Arhangel'skaja

Moscow State Regional University

The article raises the question of belonging of «Letters about nature and man» to A.D. Cantemir. Cantemir promoted the achievements of science and shared a number of advanced ideas that were developed in the Enlightenment period. The author of the «Letters» supports the contrary approach, calling for «wondering» at the wisdom of the Creator in opposition to the study of nature. By comparing the content of the «Letters» with the undisputed works of Cantemir, the significant differences of their philosophical content is revealed that proves the impossibility to consider «Letters» as a work written by Cantemir.

Keywords: *A.D. Cantemir, «Letters about nature and man», Russian philosophy of the 18th century, B. Fontenelle.*

Об авторе:

АРХАНГЕЛЬСКАЯ Наталья Олеговна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ГБОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет», г. Мытищи. E-mail: narhan@yandex.ru 8-967-040-17-27

Author Information:

ARHANGELSKAJA Natalja Olegovna – PhD, Assoc. Prof., Department of Philosophy, Moscow State Regional University, Mytishi. E-mail: narhan@yandex.ru